

«Основания для любой власти – мораль, идеология и авторитет – ослабли, если не исчезли совсем. Держатся ещё только милиция и армия, а КГБ уже в обороне и под давлением». Эти слова известного и уважаемого мною академика Николая Амосова я встретил в старой подшивке «Литературной газеты». Как и все историки люблю грешным делом покорпеть в архивной пыли, поковыряться в былых записях и бумагах. А уж старые газетные подшивки – это, братцы мои, наша живейшая история, это документальные, доподлинные свидетельства наших с вами вчерашних иллюзий, ошибок, заблуждений, а то и доказательства чьей-то вероломной лжи перед народом. Их можно выносить на суд, ну хотя бы не уголовный, а, к примеру, на суд совести. Вот он сядет перед нами – записной лжец или демагог или обыкновенный, корыстный подлец – и мы, глубоко порядочное общество, его спросим: почему ты, такой-сякой депутат, министр, генсек нам тут наврал? Мы ведь из-за твоей корысти пошли совсем не туда, ушли в сторону от нормального развития, потеряли время... Общество могло бы стать лучше, если бы не ты...

Размышления академика Амосова, изложенные им в статье «Революция у нас или нет?» («Литературная газета», № 45, 1990), его раздумья о причинах наших бед созвучны моим размышлени-

ям. Начало девяностых годов уже минувшего века было для всех людей разным временем, но в целом оно прошло по эпохе, как эпоха катастрофических перемен, несбывшихся надежд. Выиграли, как всегда, мародёры, те, кто приходят на поле боя после битвы и собирают трофеи. Тогда при полнейшем обнищании народа кучка мерзавцев сколотила свои первые миллиарды. Потом их стали называть олигархами. И они до сей поры правят бал в нашей стране.

В ту пору стало модным искать крайних. Пресса, всегда обслуживающая власть сильных и богатых, начала громко вопрошать: как же так всё негладко получилось? Мы-то ведь хотели, как лучше... Кто же довёл народ до такого состояния?

Стали искать виноватых в абсолютном унижении народа, в утрате нравственных и идеологических ориентиров, в жутком расщеплении на богатых и бедных, в спаивании народа, в его деградации. Их нашли очень быстро. Конечно же, это компартия, заведшая массы в коммунистический тупик и, безусловно – Комитет Государственной безопасности, затерроризировавший народ. Оказалось, что они и только они, как когда-то Иван Сусанин поляков, привели советский народ в болото, из которого нет никакого выхода.

Тогда, в самом начале девяностых, я, солидарный с академиком Амосовым, опубликовал в российской прессе материал под названием «Записки чиновника небесной канцелярии». В этой большой статье я прямо обозначил источника всех, абсолютно всех главных проблем и бед, случающихся у нас с ежемесячной и ежегодной периодичностью.

Этим источником являемся мы сами. Давайте же согласимся с тем, что мы утратили жизненные ориентиры, мы не ведаем, куда и зачем идти нам дальше, мы потеряли многое из веры в самих себя, в свою героическую историю, мы – великий народ – позволяем издеваться над собой и над нашим великим прошлым, над нашими славными предками своим врагам, льющим с телевизионных экранов потоки грязи на нас самих И мы молчим, мы всегда молчим. Мы не знаем, зачем живём, у нас нет концептуального и идейного стержня, который называется *национальной идеей*. Мы не ведаем конечной цели нашего пути и не понимаем даже, как она должна выглядеть эта цель. Мы как стадо красивых и умных божьих созданий, бродящих по лесу без царя в голове и без повода, и там потерявшееся.

Да, у нас есть Путин! Ему мы верим и всецело признаём в нём лидера. Но ему одному трудно формировать и выстраивать страну без нашей поддержки. Ведь рядом с ним работают люди, сла-

бо понимающие Россию и её людей. Практически никто из них не стоял у токарного станка, не руководил заводской бригадой или русской деревней, поэтому не знает, как разговаривать с рабочими, а значит и с самим народом. Они не помогут Путину ни в чём и не смогут помочь, даже если бы и захотели, потому, что народ не верит им. Страшно далеки они от народа. Да, мы иногда ходим рядом с Кремлём и машем Путину флажками: мы с тобой! – кричим мы ему. И это действительно так. Но от этого маловато проку, потому, что в результате не появляются объединяющие нас скрепы, не создаётся внутри всего общества нечто единое, собирающее всех в один несокрушимый кулак. И самое главное: мы не делаем шагов в этом направлении. Мы опять чего-то или кого-то ждём, опять пропускаем удар за ударом со стороны заклятых друзей – «западных партнёров». И народ снова многим и многим недоволен.

Не может в этой непростой ситуации не возникать важный вопрос: а что если уйдет Путин? Ведь он обречён когда-то уйти. Ничто, к сожалению, не вечно под луной, и мы все уходим понемногу...

Поэтому меня и очень многих сильно тревожит задача: а кто на смену? Эти премьерские ребята, что без роду и без племени и без царя в голове? Так они все, будучи с хорошим аппетитом, в-первых, столько успеют нагадить в каждый наш дом, что потом годами их навоз выгрести придётся, а во-вторых, я сильно сомневаюсь, что они продержатся больше двух недель после ухода Путина. Потом вылетят впереди собственного визга. Лишь бы без стрельбы вслед...

Ситуация складывается, честно говоря, совсем даже не радужная. И это в тот момент, когда нам, как никогда, нужны хотя бы несколько лет спокойного государственного и экономического строительства.

Больше всего меня задевает то, что народ наш в нынешнюю очень непростую и даже опасную ситуацию, убаюканный двадцатилетней демократической колыбельной песней, утратил иммунитет к самооценке, к катастрофическим тряскам, сотрясающим все основы общества, бывавшим уже и на нашем веку, когда, не дай Бог, случись такая беда, обязательно начнутся поиски крайних: новых КГБ и новых КПСС, которых опять обвинят во всех народных бедах.

И вы не поверите, новые глашатаи новых порядков укажут на ныне здравствующих вполне приличных людей и обвинят их во всех смертных грехах и объявят, что во всём плохом виноваты именно они. А власть предрержащие и финансовопрдержающие им

за это хорошо заплатят. Особенно в этих неприличных сделках со своей совестью будет усердствовать и переусердствовать славная наша бескомпромиссная интеллигенция. Уж ей-то не впервой предавать, чего угодно и кого угодно, и стоять в упоительном поклоне перед людьми, у которых есть деньги, и вопрошать: чего изволите?

Поверьте мне, я не голословен и постараюсь в данном материале это убедительно продемонстрировать.

Живые примеры поведения наших «властителей дум» в только что ушедшие от нас 1980-е – 90-е годы видали все граждане среднего возраста, убедились на сотнях примеров в их нечестной и корыстной игре, поэтому на данном, совсем свежем периоде новейшей истории мы не будем подробно останавливаться. Эта пёстрая картина пахнет свежей краской и хорошо нам знакома. Мы сделаем на ней лишь пару акварельных мазков.

Действительно, как же так получилось, что Комитет госбезопасности, единственная организация, по признанию академика А.Д. Сахарова, сохранившая в эпоху застоя себя и чистоту своих рядов от коррупции, тогда, в 1990-е годы, в эпоху демократии, оказалась, в отличие от сплошь коррумпированных структур, в положении мальчика для битья? В кругу журналистов считалось тогда просто-таки неприличным не пнуть, походя, КГБ, не сказать о нём какую-нибудь мерзость. Все стали стррр-р-рашно смелые, склоняя налево и направо столь сакраментальные ещё недавно три буквы – КГБ. И вся шумиха вокруг органов госбезопасности и компартии так или иначе мусолила именно эту тему: в извращениях социализма виноваты ВЧК – КГБ, и КПСС, и только они.

По своей сути это была просто-напросто операция прикрытия грязных дел входящей в силу гайдаровской «демшизы» и «младолиберастов». Они были чужды народу, народ не принимал их, и нужно было отвлечь страсти народного гнева на другой объект. Тогда чучела КГБ и КПСС вывесили на площадях, и народ танцевал вокруг них ритуальные танцы смерти. А Рыжий Дирижёр стоял посреди площади на тумбе и махал дирижёрской палочкой.

Тогда единственный, здравый голос прозвучал со страниц «Литературной газеты» в материале И. Гамаюнова «Без гипноза» (№ 42, 1990). Да и то не со стороны самой газеты, а человека, у которого «Литературка» брала интервью, – Виктора Илюхина, начальника управления Прокуратуры СССР по надзору за исполнением закона о госбезопасности. А Гамаюнов был весьма суров. Вот некоторые выдержки из его вопросов: «КГБ в недавнем прошлом представлялся чем-то вроде небесной канцелярии, там обитали

вершители судеб... Появление так называемого диссидентства уже говорило о том, что нашему обществу тесно в старых одежках, но репрессивный аппарат даже мысль об этом пытался уничтожить ...это исполнение (закона. – П. К.) превратилось в абсурдную борьбу с живой мыслью...».

Илюхин же рассуждал, как подобает широко и здраво мыслящему юристу: «...Тень прошлого преследует эту организацию. ... уровень развития всех без исключения правоохранительных органов... соответствовал уровню развития всего нашего общества и государства... И если искать виновного, то в первую очередь виновато само государство и его средства массовой информации...».

Да, скажете вы мне, но ведь средства массовой информации в тридцатые годы тоже сильно зависели от государства, справедливо ли сравнивать их с органами госбезопасности? Наверно, я сильно всех удивлю, но всё же заявляю: наша печать а 30-е годы сыграла не меньшую роль в развязывании террора против собственных граждан, в формировании истерии страха и доносительства, чем органы ОГПУ – НКВД.

Возмутившись самой постановкой подобного вопроса, вы скажете, что можно, конечно, в незначительной степени допустить подобные действия со стороны официальной прессы: «Правды», «Известий» и т. п., но они были вынуждены стоять в общем строю, так как являлись официальными рупорами режима. Однако нельзя же огульно. Мыслимо ли упрекать, например, интеллигентскую прессу?.. Вот тут упоминается «Литературная газета»... Глупо утверждать, что наши писатели нагнетали обстановку репрессий, кто этому поверит?

Ну что ж, полистаем старые подшивки.

«Литературка», как известно, начинается с 1934 года, с этого года начнём своё краткое исследование и мы. А закончим, давайте, 1937 годом. Характерный рубеж, не правда ли?

Итак, мой первый тезис таков: творческая интеллигенция в годы репрессий создавала в стране обстановку подозрительности и страха перед несуществующим врагом, занималась пропагандой тоталитаризма. Во всей широте эта неблагодарная деятельность советских литераторов развернулась в начале декабря 1934 года – после убийства Леонидом Николаевым С.М. Кирова. 4 декабря «вождь пролетарских писателей» М. Горький первым заговорил со страниц «Литературки» о необходимости хранить бдительность в рядах интеллигенции. «Не могу не сказать, – настаивал он писателей, – успех врага говорит не только о его мер-

зости, но и о недостаточной нашей бдительности». То, что преступление совершил не какой-то маньяк-одиночка, а классовый враг, Горький, надо полагать, установил сразу (и скорее всего не без чьей-то подсказки сверху).

Ему образно вторил «классик пролетарской поэзии» Демьян Бедный: «Конечно, мы должны уметь смеяться, но мы должны уметь смеяться так, чтобы врагу стало страшно от нашего смеха... Мы должны взбодриться и творить не расслабленно, не улыбочиво без толку, а решительно усилить нашу революционную бдительность на творческом фронте».

5 апреля 1935 года в редакционной колонке «О бдительности» говорилось об этом прямо: «Классовый враг стремится проникнуть и в советскую художественную литературу ...протаскивает в своих произведениях в замаскированной форме... подлые троцкистско-зиновьевские контрреволюционные идейки... Он пытается проникнуть и в писательские организации, используя в своих враждебных нам интересах высокое звание члена Союза Советских писателей...». В качестве примера были приведены два выявленных газетой контрреволюционера, пролезших в ряды писателей: С. Сергеев-Ценский, написавший «враждебный и клеветнический» рассказ «Поезд с юга», и Д. Амурский, выпустивший «контрреволюционное троцкистское произведение» – роман «Гордость».

«Литературка» образца 30-х постоянно требовала, чтобы писатели, сохраняя неослабную революционную бдительность, следили за чистотой своих рядов и сами выявляли затесавшихся контрреволюционеров. 20 августа 1936 года газета заявила: «Совершенно очевидно, что не все ещё агенты Троцкого, Зиновьева и Каменева и их хозяев выявлены. Бдительность – вот что требуется от нас!». Артём Весёлый, сам будущая жертва системы, газете поддакивал: «И в нашей партийной писательской организации с большевистской бдительностью обстояло далеко не благополучно... при обмене билетов выявлен ряд двурушников, примиренцев, активных врагов партии».

В следующем номере Всеволод Вишневский поставил вопрос о поголовной проверке состава Союза писателей. «Надо знать все 3000 членов нашего ССП... Тщательно придётся изучить все звенья нашего Союза и его аппарата. Мы добьёмся теперь того, что индивидуальное изучение работы, быта, творчества писателей, поставим как следует». Драматург Владимир Киршон, расстрелянный в 1938 году, заявил ещё более однозначно: есть ещё невыявленные враги среди писателей. Их надо выявить и беспощадно

уничтожить. Необходимо «уничтожить гадину!». М. Розенталь высказал даже сожаление, что врагов в Союзе писателей разоблачает НКВД, а не сами партийцы-литераторы, и призвал их исправить это положение. Примерно такого же содержания заметки Г. Шторма, Л. Сейфуллиной, В. Гусева, С. Ващенко, З. Хацреви-на, Б. Лапина и других.

В шпиономании писатели зашли довольно далеко. 1 февраля 1937 года Я. Эйдельман требовал создания «такой атмосферы, которая парализовала бы всякие попытки вредительства в области идеологии», призывал «не ограничиваться патетическими фразами о бдительности». Это понятие – говорил он – должно быть раскрыто с абсолютной конкретностью. 15 мая А. Эрлих подчёркивал, что многие враги народа уже разоблачены, но «очередь за остальным мусором».

Весьма активное участие принимали писатели в создании необходимого властям общественного мнения во время проходивших в 30-е годы судебных процессов над троцкистами. В период каждого процесса в газету в массовом порядке шли сотни писем, в которых литераторы требовали «наказать убийц», «оторвать головы бешеным собакам империализма», «раздавить гадину» и т. д. «Литературная газета» эти письма охотно публиковала. По поводу решения суда над Зиновьевым, Каменевым и другими Агния Барто 27 августа 1936 года писала: «Каждый из нас переживает глубочайшее облегчение от того, что они расстреляны, что их не будет уже на Земле... Жалкие, презренные гады! Наш героический народ, ведомый гениальным Сталиным, к счастью всего трудящегося человечества, не задумываясь, растоптал гадов. Они не будут отравлять воздуха нашей героической страны!».

Когда 23 января 1937 года начался суд над так называемым троцкистским «параллельным» центром» (Радек, Сокольников, Пятаков и др.), «Литературка» поместила огромное количество писем, в которых известнейшие наши писатели – И. Бабель, С. Маршак, Ал. Толстой, Ю. Олеша, Ю. Либединский, М. Шагинян и другие – просто умоляли советское правительство «немедленно расстрелять фашистских псов». Некоторые известные поэты сочли возможным выразить это своё требование в стихах (26 января):

Наш гнев ужасен и прекрасен,
Мы свой вердикт произнесли.
И тот вердикт единогласен:
Стереть их всех с лица земли.

А. Безыменский

Подлые шпионы и бандиты
Радеками тёрлись возле нас.
Может быть, ещё не все добиты –
Крепче руки и острее глаз!

Е. Долматовский

Если рассматривать вклад советской интеллигенции (в частности писателей) в пропаганду господствующей тоталитарной идеологии, то, вероятно, его следует признать неоченимым. Сущность участия в этом писателей метафорично и вдохновенно отобразила еще в 1934 году Мариэтта Шагинян (газета за 4 декабря): «Доведём нашу любовь к социализму, нашу преданность делу партии до такой предельной глубины в нашем искусстве, где политика сливается с лирикой».

Надо признать, что призыву Шагинян писатели, судя по газетным материалам, следовали неукоснительно. Я не встретил ни одной публикации, идеологическая направленность которой хоть на сотую долю миллиметра отступала бы от общепринятой сталинской. А вот мракобесия в материалах куда как достаточно.

Судя по номеру газеты за 24 января 1935 года, в «Правде» была напечатана статья Д. Заславского «Заметки читателя», в которой роман Достоевского «Бесы» называется «контрреволюционным романом», «знаменем политической реакции». Максим Горький статью, правда, поругал, но в 1936 году возглавил борьбу с акмеизмом, формализмом, символизмом и прочим декадансом. Борьба эта находила на страницах газеты полное отражение и поддержку.

Усердно потрудились писатели и на ниве привития страха у советских людей ко всему западному, ненависти к русской эмиграции. В номере за 11 ноября 1935 года И. Эренбург, например, писал: «Есть воздух, в котором дохнут птицы, вянут цветы. Это воздух зарубежных стран. По-прежнему кликушествует там Бунин, выпустивший книгу “Окаянные дни”, полные звериной ненависти к Советской стране; занимается “чёрной и белой магией” Мережковский; Куприн не имеет отношения к литературе; вероятно опустился Бальмонт...».

Вероятно, всем названным выше материалам можно предположить слова М. Горького, которые часто служили в газете рубрикой: «Если враг не сдаётся – его уничтожают!».

Тезис номер два: творческая интеллигенция активно участвовала в создании культа личности Сталина, Ворошилова, Кагановича и других диктаторов, поощряла и поддерживала карательные

методы деятельности органов НКВД. На фоне всеобщего славословия в адрес Системы, хор которого в материалах «Литературной газеты» нарастал из номера в номер, восхваления Сталина и его «верных оруженосцев» дошли до крайней точки, до надрыва, до дисканта. Рядом с именем Сталина наши художники слова ставили всегда самые красочные эпитеты, и руководитель партии купался в таких словосочетаниях, как «вождь всех времён и народов», «зоркий и сильный горный орёл», «великий всадник мировой революции» и во множестве других, всех не перечислишь.

10 мая 1935 года после короткой и совершенно невыразительной речи Сталина на выпуске «академиков Красной армии» М. Казаков писал: «Наш Сталин – гениальный ум и большое сердце социализма. Он – подлинный великий инженер человеческих душ, строитель чувств...». В. Луговской: «Последняя речь Сталина – одно из величайших высказываний в мировой истории». П. Маркиш: «В них (выступлениях Сталина. – П. К.) сверкнула та вершина, во имя которой велись гражданские войны...». Б. Пильняк: «А писатели? – Кто из писателей может погордиться, что его слово равно сталинскому?».

В очередных откликах по поводу суда над очередной «троцкистской бандой» Ю. Олеша 26 января 1937 года восклицал: «Они покушались на Сталина!.. Мерзавцы, жалкие люди, шпионы, честолюбцы, завистники, хотели поднять руку на того, кому народ сказал: Ты сделал меня счастливым, я тебя люблю... Отношение народа к Сталину рождает в сердце такое же волнение, какое рождает искусство. Это уже песня!». И. Бабель выступал аналогично: «...гений Сталина олицетворяет ясность, простоту, беспредельное мужество и трудолюбие... Как никогда очевидна теперь безмерная правота нашего правительства. И преданность наша ему обоснована и безгранична».

Судя по газетным материалам, примерно с середины 1936 года у писателей возникает трудно объяснимое теперь стремление защитить Сталина и его окружение от врагов своим телом. 20 августа газета писала: «Железной стеной оградим наших вождей, нашего мудрого любимого учителя, нашего отца – товарища Сталина». Н. Огнев сказал прямо: «Охраняйте жизнь вождей! Берегите то, что нам дороже всего». А правление Союза писателей Украины, выполняя волю всего коллектива республиканских литераторов, 27 августа 1936 года выразилось ещё более решительно: «Обращаем свои горячие слова священной любви к Вам, родной наш Иосиф Виссарионович, любви к партии. Советские писатели... станут

грудью не защиту дорогой Вашей жизни... наш любимый вождь, учитель, вдохновитель и Друг».

Представляет несомненный исторический интерес то обстоятельство, что писатели не только целиком поддерживали органы НКВД в проведении ими карательной политики, но фактически подталкивали их именно к такой работе. Думаю, уместным будет в качестве примера привести выдержку из решения общего собрания писателей Москвы, состоявшегося в декабре 1934 года (заметьте: 34-го, а не 37-го).

«Писатели поручают Московскому Совету добиться того, чтобы все органы пролетарской диктатуры, призванные охранять и оберегать государственную безопасность, с большевистской страстностью и энергией, с неусыпной революционной бдительностью вели беспощадную борьбу с классовым врагом, с контрреволюционным охвостом... Мы всецело одобряем решение советского правительства от 1 декабря 1934 года о порядке прохождения дел о террористических организациях и террористических актах против работников Советской власти. Мы горячо приветствуем приговор Верховного Суда о расстреле группы белогвардейских террористов в Ленинграде, Москве, Киеве и Минске. Мы требуем суровой революционной расправы с контрреволюционными выродками».

Или вот ещё. 27 августа 1936 года «Литературка» поместила «Приветствие общего собрания московских писателей Наркому Внутренних дел СССР, генеральному комиссару государственной безопасности Г.Г. Ягода и всем славным чекистам – наркомвнудельцам». Наряду с прочими пышными словами в адрес «героического наркома» там говорилось: «Мы гордимся вами (то есть) чекистами. – П. К.), вашей верной самоотверженной работой, без промаха разящей врага... Всеми мыслями, всем сердцем нашим мы с вами...».

Тезис третий: творческая интеллигенция сама являлась поставщиком органам НКВД людей, которые, по её мнению, должны быть репрессированы. Тезис, согласитесь, звучит совсем уж жестоко. Так и хочется во весь голос возразить: говори, да не заговаривайся! Что же это получается? НКВД выполнял социальный заказ интеллигенции, кого из её рядов к стенке, кого в тюрьму, а с кем пока подождать?

Выходит, что так. Полистайте вместе со мной подшивки «Литературной газеты», и вы убедитесь в почти полном совпадении: кого из литераторов травил Союз писателей, те впоследствии и были репрессированы.

Вот 24 января 1935 года в газете появляется корреспонденция А. Селивановского «Сигнал», повествующая о том, что в Свердловске появилась группа молодых писателей – «замкнутая законспирированная группа»: Ручьёв, Кушум, Реут, Троицкий, Хорунжий, Корольков. Автор сообщает, что эти молодые люди пишут безыдейные вещи, богемствуют и хулиганят, прославляют белогвардейщину. («Я бы назвал этот материал не «Сигналом», а «Доносом»). Однако главная задача «Сигнала» была, вероятно, не только в разоблачении «законспирированной группы». Автор делает затем вывод, что по идеологической направленности группа схожа с творчеством Павла Васильева, Бориса Корнилова, Ярослава Смелякова, которые являются «хулиганами и богемщиками». Судьбу этих трёх мы знаем – первые два погибли в ежовских застенках, Ярослав Смеляков дважды сидел в лагерях. Оба раза по доносам своих же товарищей – писателей. И пошло, и поехало. В ход пошли политические обвинения.

24 апреля того же года писатель Д. Мирский, делая обзор поэзии за 1934 год, отметил, что Б. Корнилов страдает «от отсутствия широко обоснованного революционного мировоззрения... Нет сколько-нибудь глубокого понимания борьбы между большевиками и кулачьем». Рассуждая о творчестве Павла Васильева, Мирский выразился с сожалением: «Знаменитость этого поэта – печальный эпизод в истории нашей литературной жизни... Эпигон Клюева и Клычкова, акмеистов, Бунина и Сельвинского... поэт с кулацкой сущностью. Увлечение Павлом Васильевым свидетельствует не только и не столько о притуплении классовой бдительности, сколько о полном притуплении чувства настоящей поэзии и о катастрофической безвкусице».

Подобные материалы, разносящие в пух и прах «кулацкую сущность» Корнилова, Васильева и Смелякова, появлялись постоянно. 15 октября 1936 года «Литгазета», сообщая о состоявшемся факте исключения Б. Корнилова из Союза писателей, анонсировала своё политическое кредо так: «Перед Союзом писателей стоит задача борьбы с чуждыми настроениями и проявлениями классово-враждебных влияний, очищения наших рядов от врагов...». Как видите, врагом Советской власти Бориса Корнилова первым назвал Союз писателей.

Подобным преследованиям и гонениям из номера в номер подвергались: Артём Весёлый, Борис Пильняк, Иван Катаев, Всеволод Иванов, Сергей Сергеев-Ценский, Александр Безыменский, Борис Пастернак, Ольга Берггольц, Пётр Перковский, Юрий Ли-

бединский, Николай Горелов, Владимир Киришон и многие другие. Всем им «шили» обвинения в принадлежности к агентуре Троцкого, Авербаха, международного империализма или сионизма, кулацкой сущности, классовой близорукости, проталкивании враждебных идей, декадансе и идейном разложении, шпионаже в пользу самых разных государств и, конечно, в клевете на советскую действительность. И проходят чередой авторы этих политических доносов, одни – люди вроде бы известные, обласканные высочайшим расположением, славой, другие – вероятно, хотевшие попасть в эту когорту.

Я никого и ни в чем не обвиняю! Давайте, наконец, все вместе поймем одну жестокую, но достоверную истину: всё происшедшее с нами – это не только неизбежная боль, но и общая вина всей нации. Деформированное ложными постулатами общество оказалось заложником безжалостного механизма, изломавшего людей. В его шестерёнках исковерканы, уничтожены жизни миллионов активных, смелых и самобытных наших граждан. Среди них (я подчеркиваю: среди них!) и двадцать с лишним тысяч чекистов. Для сравнительно небольшого их отряда – это очень много. И всё это жертвы одной и той же системы, костоломной, вероломной и неотвратимой.

Почему-то нет абсолютной уверенности в том, что коварная наша история,двигающаяся, как всем известно по спирали, не совершит над нами злую шутку и не вернёт вспять какой-нибудь рецидив той системы. И те, кто громче всех клянёт сейчас те времена, не побежит ли он быстрее всех к маленькому пирогу царской милости в стремлении оторвать себе кусок побольше, да пожирнее... И не начнёт строчить доносы на своих же товарищей...

Я, как человек много чего в жизни повидавший, могу сказать со знанием дела, что у меня лично полной такой уверенности нет.

Надо, дорогие собратья по перу, уважаемые соотечественники, наконец, разобраться в происшедшем и понять, что Океан вселенской истории так велик, а чёлн нашей с вами жизни так мал... И все мы плывём в нём. Мы все в одном утлом челночке, и мы в опасности. Наш курс в тумане, потому что не повеяли ещё ветры, которые очистят горизонт. Берега, увы, пока не видно. Поэтому давайте не обижать, не обвинять друг друга, что кто-то гребёт слабее. Давайте не ссориться, иначе мы не доплывём.

Санкт-Петербург